

ББК 63.521(=632)

*Л.Р. Габдрафикова***Повседневная жизнь татарских шакирдов
в конце XIX – начале XX в.***L.R. Gabdrāfikova***Everyday Life of the Tatar Students
at the End of XIXth – the Beginning of XXth Centuries**

Освещается повседневная жизнь учащихся татарских духовных учебных заведений конца XIX – начала XX в. В это время происходила европеизация татарского мусульманского общества, что нашло свое отражение и в буднях шакирдов. Изменились условия их проживания и обучения, культура отдыха.

Ключевые слова: татары, европеизация, образование, повседневность, досуг.

Одним из важных моментов в жизни татар-мусульман на рубеже XIX–XX вв. стало реформирование учебной системы. Старая схоластическая манера преподавания заменена звуковым методом. В программу медресе вводились новые светские предметы. Конфессиональные училища стали подразделяться на старометодные (кадимистские) и новометодные (джадидские). Последние открывались в основном после 1905 г. В отличие от старых школ, в них существовала классная система, шакирды сдавали экзамены и т.д. Новые учебные заведения отличались не только методикой преподавания, но и условиями проживания.

Основной контингент татарских медресе составляли мальчики и юноши от 10 до 20 лет, в старометодных школах иногда встречались и 30-летние мужчины [1, с. 380]. Жили они за счет родителей и благотворительных приношений в пользу конфессиональной школы. Учеба начиналась осенью, примерно с октября, и продолжалась до ранней весны. В старых медресе уже в середине марта шакирды начинали разъезжаться по домам. Также ученики отдыхали во время религиозных праздников – Курбан-байрама и Уразы. Кроме того, учащиеся медресе могли уезжать домой в четверг вечером, выходным днем считалась пятница. В новометодных учебных заведениях в начале XX в. учебный год стал более стабильным.

Если мектебы – начальные татарские школы – были везде, то медресе открывались, как правило, только при богатых мечетях. Все они были интернатного типа. Помимо аудиторий, там же находилось

The article highlights the everyday life of students at the Tatar religious schools in the late XIXth – early XXth centuries. This period is remarkable for Tatar Muslim society by the rise of Europeanization which made a significant impact on the everyday life of those students. Living and educational conditions, their leisure culture are changed.

Key words: Tatars, Europeanization, education, every day life, leisure.

и общежитие. В редких случаях это могли быть и два разных здания. Городские медресе представляли собой в основном типичные двухэтажные здания. Но такие стандартные постройки появились лишь в начале XX в. Например, уфимское медресе «Усмания» в конце XIX столетия включало пять-шесть деревянных домов. Впоследствии построили двухэтажное каменное здание [2, с. 271]. На первом этаже медресе обычно находились кухня, столовая, гардероб и другие хозяйственные помещения, на втором – учебные классы и жилые комнаты. Так, в школе Вали хазрата Хусаинова в Оренбурге («Валия») на втором этаже были всего четыре комнаты: там шакирды и учились, и жили. Здесь стояли двухъярусные железные кровати, хотя в большинстве училищ (особенно в конце XIX в.) вместо кроватей чаще всего ограничивались простыми деревянными нарами, либо ученики вовсе спали на полу [3, с. 167–170].

В более богатых учебных заведениях иногда строили и третий этаж. Например, в уфимской «Галие» там находились библиотека, читальный зал, молельня. В 1906 г. для оренбургского медресе «Хусаиния» построили трехэтажное здание с электрическим освещением и паровым отоплением. Третий этаж, помимо спальных комнат, занимала мечеть, пристроенная особым образом к зданию медресе [4, с. 147]. Ближе к 1917 г. в состоятельных медресе шакирды жили уже не в одной общей комнате, а по несколько человек. Так, по замечанию Я. Коблова в 1916 г., в казанских медресе учащиеся проживали от 2 до 8 человек в комнате [5, с. 293]. Скорее всего, он описывал такие

учебные заведения, как «Мухаммадия», «Касимия», «Усмания».

В старых медресе во время уроков шакирды сидели на полу, писали на коленях. В начале XX в. появляются парты. Часто они были довольно низкими, и ученики по-старому сидели на полу перед партами. Также стали применять классные доски, географические карты, классные журналы. Европейская мебель и инвентарь воспринимались неоднозначно. Например, в 1910 г. инспекторы казанских медресе отметили, что «мусульмане старого закала не желают заводить ничего, напоминающего русскую школу, и что из-за школьных парт, классных досок и стенных карт пришлось много вести борьбы» [6, л. 24–34]. Несмотря на это, новая учебная мебель имелась почти во всех новометодных медресе.

Жили в медресе в основном приезжие шакирды. Но иногда и ученики старших классов из числа местных жителей переселялись в медресе. Например, вот как в романе «Нищенка» Гаяз Исхаки описывает учебный процесс купеческого сына Габдуллы: с семи лет он учился в медресе своей общины, занятия шли с 9 утра до 12 дня. Потом возвращался домой, обедал, играл, вечером вновь отправлялся на занятия. После трех лет такого «амбулаторного» обучения родители Габдуллы оставляют сына жить в медресе [7, с. 34–35]. По сведениям Я. Коблова (1916 г.), занятия начинались в 8 утра (до этого времени шакирды успевали совершить намаз) и продолжались до 12 дня, далее до 4 часов ученики обедали и отдыхали, вечером вновь приходил учитель, учеба длилась до 9 часов вечера [5, с. 287].

Жизнь учеников была расписана строго по часам, жесткая дисциплина и внутренняя иерархия немного напоминали армейский быт. Шакирдов строго наказывали за ненадлежащее поведение. «Необходимый атрибут каждого учителя во время учения составляет ременная плетель», – отмечали русские инспекторы инородческих школ [8, л. 35–36]. В медресе существовала специальная должность – казый. Своеобразный школьный судья, который разрешал споры между учениками, наказывал их за нарушение правил поведения и т.д. Нарушения учеников казый записывал в специальный журнал – «гонах дэфтэре» («тетрадь грехов») [2, с. 254].

Помимо учебных задач, родителей интересовала и воспитательная часть. Считалось, что в медресе дети вырастут истинными мусульманами. Шакирды, пребывающие в учебном заведении круглые сутки, более строго соблюдали исламские заповеди. Согласно уставу медресе «Мухаммадии», если шакирд неоднократно пропускал намаз, он исключался из школы [9, л. 201об.]. Обычно молитву читали в учебном классе, но в новых медресе для этих целей выделяли отдельную молельную комнату. В соборной мечети шакирды читали пятничный полуденный намаз. Некоторые уче-

ники все намазы совершали в мечети, например, так было заведено в «Валие» (Оренбург) [3, с. 168–169].

В свободное от учебы часы шакирды могли прогуляться по улице или сходить на базар. Во время отдыха кто-то просто спал, кто писал письмо, кто читал. Во многих медресе строго запрещалось играть на музыкальных инструментах, в карты и даже в шашки и шахматы. Несмотря на эти запреты, во многих медресе шакирды тайком держали гармони, скрипки, мандолины, встречались и любители карточных игр.

Некоторые воспитанники в течение учебного года успевали подрабатывать. Известным шакирдским занятием была торговля татарскими книгами. Иногда во время уразы состоятельные люди города звали учеников медресе на разговение. Практиковалось участие шакирдов на похоронах богатых мусульман. Обычно выбирали тех, кто обладал хорошим голосом и искусно читал Коран. Также учащиеся помогали обмыть умершего и за это получали садаку (подавание), приглашались на поминальные обеды. Среди бедных шакирдов иногда возникала нешуточная борьба за право участия в похоронном мероприятии. Ученики, имеющие каллиграфический почерк, зарабатывали себе на пропитание выделкой надписей на могильных памятниках и росписью изречений из Корана – шамайлей. Были и те, кто занимался ремонтом часов, переплетом книг, починкой обуви. Неслучайно во дворе казанской «Мухаммадии» имелись данные мастерские. При уфимской «Усмании» в отдельном здании помещалась ученическая мастерская, где учащиеся обучались столярному ремеслу [10, с. 39].

Приходящие шакирды держались особняком. Например, будущий писатель Фатих Амирхан являлся таким учеником. Отец его служил имамом в одной из казанских мечетей. На занятия Фатиха и его младшего брата Ибрагима привозил личный кучер. Учились они в медресе «Мухаммадия» в 1890-е гг. Братья выделялись своим образом жизни, одеждой, учебными принадлежностями. Даже класс, где учились Амирханы, освещался электрическим светом, в отличие от остальных учебных комнат медресе. Об этом позаботились родители шакирдов [11, с. 156–157]. Для сравнения, в медресе «Галия», которое первые годы спонсировалось богатыми предпринимателями Уфы, электрическое освещение было проведено только в 1913 г. До этого в учебном заведении пользовались керосиновыми лампами [12, с. 329]. Детям богатых родителей в медресе относились более уважительно, так как они давали хазрату (главному учителю) и хальфам (его помощникам) солидное вознаграждение. Хотя условно считалось, что учеба в медресе бесплатная, «каждый мулла обязан безвозмездно обучать детей своих прихожан грамоте и молитвам» [13]. Но при поступлении в медресе родители вручали хазрату и хальфе небольшую сумму, делали различные подарки исходя из своих возможностей. Привозили продукты питания – мясо,

крупы, мед, домашнюю выпечку и т.п. Внушительную помощь медресе оказывали богатые купцы, которые дарили или завещали недвижимость, назначали стипендии малоимущим шакирдам. В числе вакуфной собственности богатых медресе могли быть доходные дома, торговые лавки, земли и луга. Сумма привлеченных благотворительных средств во многом зависела от авторитета руководителя учебного заведения. С именем хазрата напрямую была связана и популярность медресе. Например, казанская «Марджания» была известна благодаря Шигабутдину Марджани, «Мухаммадия» – Галимджану Баруди, «Галия» – Зия Камали и т.д. В своей книге «Шакердлек адаплары» (Правила шакирдов) богослов Риза Фахреддин призывает будущих учеников медресе основательнее подходить к выбору учителя. Помимо его интеллектуальных и педагогических возможностей, надо обращать внимание и на человеческие качества наставника, – пишет он в издании 1904 г. [14, с. 233].

Определенную плату за обучение и проживание начали вводить в начале XX в. Например, известно, что в Апанаевском медресе («Касимия») шакирды платили от 2 до 5 руб. за обучение, от 3 до 5 руб. за предоставление места в общежитии [15, с. 169]. В «Мухаммадии», по сведениям 1913 г., брали плату за учебу в размере 5 руб. в год. Интересно, что преподаватели этого же медресе, в зависимости от квалификации, получали жалованье от 100 до 1000 руб. в год [9, л. 208–209]. Благодаря помощи предпринимателей в данном медресе действовали бесплатные классы для бедных. Им выдавались учебники и одежда, выплачивалась небольшая стипендия. Курсы пользовались большой популярностью. Здесь шакирды получали неполное среднее образование, после их окончания они либо продолжали обучение в том же медресе, либо устраивались на работу в магазины стажерами. По примеру бесплатных классов в «Мухаммадии» было организовано и обучение в медресе «Галия». Первые годы за счет щедрой помощи уфимских купцов шакирды учились бесплатно [16, с. 24]. Однако через некоторое время возникли разногласия между попечительским советом и педагогами учебного заведения. С 1911 г. в медресе установила плату за проживание – 60 руб. в год, сюда входило и четырехразовое питание [17, с. 117–118].

В старых медресе предоставляли только ночлег, о своем пропитании шакирды заботились сами. Еще Карл Фукс в первой половине XIX в. писал о том, что шакирды выбирали по жребию того, кто будет готовить всем в общем котле еду – пельмени или лапшу, «каждый может есть свою долю, когда хочет» [18, с. 119]. Также варили каши из различных круп. Праздничной едой считался плов. Его готовили, например, по случаю окончания учебного года. В уральском медресе «Мотыгия» (Оренбургская губерния) шакирды, когда варили суп, завязывали свой кусок мяса особой ниткой, чтобы не спутать во время трапезы [19, с. 57].

«Братья Амирханы на обед ели лаваш или самсу, – пишет бывший шакирд, поэт Миргазым Укмасый, – мы в это время грызли хлеб, часто заплесневевший от долгого хранения» [11, с. 156–157]. Богатые учащиеся нанимали себе в услуги бедных учеников. Они варили им еду, ставили самовар, выполняли мелкие поручения. Но большинство шакирдов обслуживали себя сами. Одним из требований шакирдов во время выступлений 1906–1907 гг. было в том числе и устройство столовых в медресе, где предоставлялись бы готовые обеды. В новометодных учебных заведениях в начале XX в. существовала такая практика. Например, в уфимской «Усмании» за особую плату отпускались обеды [10, с. 39]. Специальный повар был и в медресе «Галия».

Внутренние правила распространялись и на поведение ученика вне стен учебного заведения. По замечанию Я. Коблова, учащемуся татарского медресе книгу «из благоговения» следовало нести на голове [5, с. 288]. По правилам «Хусаинии» запрещалось хождение по лестнице через две ступени [20, с. 143]. Безусловно, шакирд не должен был устраивать на улице драку, ругаться. От него ожидали уважительного отношения к старшим, снисхождения к младшим. Но эти простые требования не всегда выполнялись. Некоторые шакирды отличались совсем немусульманским поведением. В романе Загира Бигиева «Большие грехи», написанном в 1887–1889 гг., повествуется о том, как один из его героев Габделгафур, сын сельского имама, шакирд казанского медресе, пристрастился к алкоголю. В результате его отчислили. «К сожалению, пьянство шакирдов – это уже тенденция», – замечает автор романа [21, с. 108]. Поведение учеников, далекое от исламских норм, во многом зависело и от мировоззрения преподавателей медресе – мугаллимов. Если раньше педагогический состав мусульманских учебных заведений состоял только из хазрата и хальф, то к началу XX в. появляются мугаллимы. В отличие от хальф, они вели отдельные светские предметы и являлись представителями нового поколения, становление которого пришлось на рубеж XIX–XX вв. Сторонники консервативного направления – кадими-сты (как правило, старшее поколение мулл) относились к ним с настороженностью. Об этом, например, свидетельствует и коллективное заявление татарских мулл министру внутренних дел от 1908 г. Авторы обращения называют мугаллимов революционерами, «которые под вывеской служения Богу и вере исламской посланы для сбивания с пути татар» [22]. Так, один из преподавателей «Хусаинии», поэт Сагит Рамеев, тайком от администрации медресе учил шакирдов петь «Марсельезу» [3, с. 167]. Еще один мугаллим из «Хусаинии» Файзулла Мухаммад в 1908 г. увел с собой в Иж-Бобинское медресе (Вятская губерния) около 35–40 шакирдов. Габдулла Буби писал, что они были недовольны условиями обучения [23, с. 46]. Пре-

подаватель тюркской истории и арабской литературы в казанской «Касимии» Заки Валиди признался своему ученику в том, что «сбросил пути религии». Шакирд испытывал схожие чувства, религиозные запреты тяготили его. Заки Валиди в тот период тянулся к русскому образу жизни, общался с русской интеллигенцией, однажды из любопытства специально пошел в кабак и «съел еду, которую прежде считал нечистой и – мало того – выпил спиртного» [24, с. 68–69].

В татарских медресе были распространены книги на турецком языке, в основном это были переводы французских романов. Описание свободных европейских нравов также производило большое впечатление на неокрепшие умы шакирдов. Эти книги появлялись там также благодаря преподавателям. Будущего татарского писателя Гаяза Исхаки романами из своей библиотеки снабжал его учитель Хади Максуди. Исхаки учился вначале в чистопольском медресе, далее – в казанской «Касимие». Моральное разложение шакирда стало темой одной из повестей Гаяза Исхаки «Жизнь ли это?». У героя произведения все начиналось вполне невинно, с чтения пикантных переводных романов.

Как и российских студентов, городских шакирдов можно было отличить по костюму. Если раньше хальфы и учащиеся медресе ходили в длинных халатах, на голову надевали чалму (особенно при посещении мечети), то постепенно в их среду проникает европейская мода. Мугаллимы и шакирды носили короткие казакины, но голова обязательно должна была быть покрытой – тюбетейкой или феской. В начале XX в. в некоторых медресе вводится специальная форма для шакирдов. Внешний вид шакирдов контролировался и в «Мухаммадии». Например, в его правилах говорилось о том, что верхней одеждой учащихся медресе должно быть черного или темного цвета пальто, маленькая черная шапочка, ичиги [9, л. 201]. Запрещалось носить короткую одежду, шляпу и высокую шапку как противоречащую общепринятым нормам. Любопытно, что либерально настроенный директор уфимского медресе «Галия» – Зия Камали отменил униформу для шакирдов. Здесь ученики пренебрегали даже татарско-мусульманским обычаем брить голову и отпускали длинные волосы.

«Галия» отличалась не только свободным отношением к внешнему виду, но и времяпровождением учеников. По словам одного из бывших шакирдов, писателя Сайфи Кудаша, «в свободные от занятий дни медресе напоминало музыкальную школу», разрешалось играть на любом музыкальном инструменте [25, с. 229–230]. Также в училище работали различные кружки: литературный, драматический и музыкальный. Ученики ставили спектакли и готовили концерты, преподаватели организовывали публичные лекции [26, с. 26]. Шакирды собирали фольклор, выпустили несколько сборников народных мудростей, издавали рукописные журналы и газеты. Некоторые

ученики печатались и в серьезных изданиях. Например, шакирд Шайхзада Бабиш стал постоянным автором оренбургских журналов «Шура» («Совет») и «Кармак» («Крючок»).

Медресе «Галия» было учебным заведением нового времени (появилось оно в 1906 г.), поэтому царивший там свободолобивый дух шакирдов – явление закономерное. Но этому предшествовал долгий период становления светской культуры татар-мусульман. Например, до 1905 г. в России не издавались газеты и журналы на татарском языке. Были лишь нелегальные издания рукописного характера, а общетюркская газета «Тарджеман» выходила в Крыму и не могла полностью отражать жизнь татар Волго-Уральского региона. Многие шакирды читали «Тарджеман» с большим интересом, пользовалась популярностью турецкая пресса, а также издаваемая в Тифлисе газета «Шаркый рус». В старометодных медресе запрещали читать газеты и журналы, художественную и политическую литературу, ходить в народный дом (библиотеку).

Под влиянием вышеперечисленных газет в некоторых медресе шакирды начинают выпуск своих нелегальных изданий. Рукописные газеты и журналы продолжали развиваться даже после появления официальной татарской прессы. Их составляли участники литературных кружков. В большинстве учебных заведений шакирды собирались тайком от хазрата, в выходные дни. Например, так было в «Мухаммадии», где подобный кружок организовал мугаллим Фатих Амирхан. Шакирды выступали с докладами на различные темы, приглашали специальных гостей, после собрания организовывали музыкальные вечера, где играли на гармонии и скрипке. Музыкальные вечера в медресе, где показывали также и юмористические миниатюры, писатель Гаяз Исхаки в своих литературных произведениях называет «калпаниея», вероятно, от слова компания. Ислам не приветствовал подобные развлечения, так как они своими корнями уходили в традиции язычества. Поэтому и в правилах медресе было предупреждение о том, что нельзя играть на музыкальных инструментах и петь. Кроме того, запрещали читать «недозволенные книги и прокламации», посещать театр, кинематограф, литературные вечера. Полезными считались лишь некоторые публичные татарские лекции, но для их посещения необходимо было специальное разрешение [9, л. 201–201об].

Шакирды чаще всего предпочитали обходить правила. Например, в уфимском медресе «Усмания» шакирды в 1901 г. попытались организовать одно из первых театральных представлений – поставить комедию «Рисалят» («Мессия»). Но руководство учебного заведения быстро остановило данное «самовольство». В оренбургской «Валие» за посещение театра и кинематографа шакирд вначале получал выговор, второй раз его запирали в холодном сарае, на третий – отчисляли [3, с. 167–170].

В начале XX в., особенно после 1905 г., шакирды многих медресе начинают выказывать свое недовольство учебным программой, требуя увеличения часов светских предметов. Газета «Казан мухбире» писала в начале 1906 г. о волнениях в медресе «Мухаммадия», «Халидия», «Марджания», «Касимия» [27]. Большое влияние на учеников оказывала Казанская татарская учительская школа, а также пример недавно открывшегося в Уфе медресе «Галия». Кроме того, в Казани в годы Первой русской революции действовал кружок учащейся молодежи «Шимбэ», в его работе вместе с гимназистами участвовали и шакирды. И в татарских медресе появляются тайные кружки, сыгравшие основную роль в зарождении оппозиционных идей. В частности, Фатих Амирхан, руководитель одного из них в «Мухаммадии», был лидером нелегальной организации шакирдов «Эль-Ислах». В 1904–1906 гг. он преподавал в этом медресе географию и историю политических партий. Очевидно, мугаллим использовал служебное положение в своих целях. Газета «Азат» в 1906 г. сообщала об обнаружении в комнате у одного из шакирдов медресе «Мухаммадия» прокламаций «Эль-Ислаха» [28]. Разногласия между шакирдами и руководством «Мухаммадии» привели к тому, что в феврале 1906 г. было принято решение об отчислении 4 учеников. Однако в знак протеста из медресе ушли 82 чел. Перед своим уходом ученики устроили погром в медресе, разбили лампочки, стекла [29].

Волнения шакирдов охватили практически все татарские медресе. Из оренбургской «Хусаинии» были отчислены 40 шакирдов [30, с. 395]. По сообщению газеты «Эль-Ислах», в Казани пассивными были лишь ученики Казаковского медресе («Хибуш») [31]. Если в начале шакирские требования сводились к учебным вопросам, то постепенно становятся популярными социалистические идеи. Например, еще один подпольный союз шакирдов «Берлек», под началом Гаяза Исхаки, в своей программе указывал на необходимость свержения самодержавия [32]. Возникшее в 1906 г. объединение уже в 1907 г. в жандармских документах проходило под названием «Бреги». Еще один союз возник на базе медресе «Иж-Буби» в Вятской губернии, но, как и у «Берека», его деятельность не имела особого резонанса среди шакирства.

Вместе с последующей реакцией в стране к 1908 г., постепенно утихли и шакирские волнения. По сведениям А. Юзеева, лишь «в 1906 г. 1500 казанских шакирдов в знак протеста против схоластического образования прекратили учебу. То же самое произошло в джадидских медресе Уфы и Оренбурга» [33, с. 167]. Как писали авторы большевистского издания «Урал» в 1907 г., из оставшихся не у дел учащихся «...богатые шакирды начали обучаться по-русски, бедные искали работу, некоторые стали фабрично-заводскими рабочими», а для остальных газета просила материальной помощи у читателей [34]. К слову, не все богатые ша-

кирды могли себе позволить нанять репетиторов или обучаться по-русски. По замечанию Мажита Гафури, некоторые из-за самовольного ухода из медресе, «без благословения остаза (учителя. – Л.Г.)» были лишены родительской материальной помощи и мало чем отличались от бедных учеников [35, с. 305].

После этих событий, помимо учебных программ, поменялись и режимы в медресе. Например, в кадимистской «Валие» наблюдалось некоторое послабление. Разрешили читать газеты и журналы, ходить в библиотеки. Интересно, что сам Вали хазрат впоследствии начал издавать в Оренбурге журнал «Дин вэ магишат» («Религия и жизнь»). Это периодическое издание по праву можно считать рупором кадимистов. В «Хусаинии», откуда во время волнений были отчислены несколько десятков шакирдов, перед 1917 г. функционировали не только различные кружки (по литературе, истории, музыке и т.п.), но и «Восточный музей» [20, с. 153].

В Иж-Бобинском медресе (Вятская губерния) существовало шакирское самоуправление. Но в 1909 г. руководство отказалось от него. «Мы получили от этого временную пользу, – вспоминал Габдулла Буби, – наши шакирды не проявляли недовольства во время волнений 1905, 1906 и 1907 гг., когда шумели и гудели практически в каждом медресе» [23, с. 50]. Но в результате самоуправства учащихся была утеряна часть библиотеки учебного заведения.

Более жесткими стали правила проживания в «Мухаммадии». Они были приняты в 1913 г., после возвращения хазрата Галимджана Баруди из Волгодской ссылки, куда он был отправлен с подозрениями в поддержке шакирского движения. Во всех остальных медресе до событий 1905–1907 гг. не было специальных внутренних правил. В 1908 г. газета «Эль-ислах» призывала все учебные заведения принять внутренние правила по примеру казанского медресе «Марджания» [36, с. 68]. В этом духовном училище, по сведениям миссионера Ефимия Малова, еще в 1884 г. имелись «правила для благоповедения учеников, или инструкция». Они висели на стене классной комнаты [37, с. 156].

В целом, правила отражали устоявшиеся еще предыдущими десятилетиями требования: не шуметь, не музицировать, не пропускать намазы, отлучаться из медресе только в определенное время. Новшеством было регламентирование внешнего вида и запрет на чтение нелегальной литературы, листовок и т.п. На последнем этапе развития татарских медресе больше внимания уделяется светским предметам, вопросам гигиены и санитарии. Например, в своей книге-наставлении «Шакердлек адаплары» (Правила шакирдов) Риза Фахреддин отдельную главу посвятил личной гигиене. В учебной программе многих медресе в начале XX в. был предмет «гигиена», где изучалось также и то, как ухаживать за малыми деть-

ми. Однако условия проживания шакирдов оставляли желать лучшего. Эти проблемы находили отражение и в татарской прессе. Об антисанитарии в медресе не раз отмечали в своих докладных записках и инспекторы инородческих училищ. Хотя издавна благодаря пятикратному намазу шакирды несколько раз за день совершали частичное ритуальное омовение.

Многие помещения в медресе вообще не проветривались, в них было тесно, душно, пыльно. В старых небольших учебных заведениях в одной комнате и учились, и жили, т.е. там же варили пищу, проводили омовение. Часто, за неимением других помещений, заболевшие шакирды отлеживались в том же классе, где проходили занятия. Различные инфекционные заболевания быстро охватывали всех учащихся. По замечанию инспектора М. Пинегина, среди татар-мусульман был распространен обычай давать в школах приют больным, странникам и другим людям, попавшим в беду. Это явление также сказывалось не лучшим образом на общих условиях проживания. Некоторые медресе, например «Мухаммадия», к началу XX в. отказались от такой практики, более того, ввели правило, по которому и с родственниками шакирды встречались вне стен учебного заведения. Не случайно это училище русские инспектора относили к редким мусульманским учебным заведениям, где «все помещения содержатся в чистоте и число учеников, помещающихся в известной комнате, находится в зависимости от объема воздуха» [9, л. 210].

В начале XX в. некоторые медресе уже при приеме на учебу старались проследить за состоянием здоровья будущих шакирдов. Так, абитуриенты «Расулии» (Троицк, Оренбургская губерния) в 1913 г. должны были предоставить медицинское свидетельство [16, с. 27]. В медресе «Галия» впервые среди мусульманских учебных заведений были организованы уроки физкультуры. Однако даже при таких мерах по укреплению физического состояния учащихся возникали различные проблемы, требующие медицинского вмешательства. Например, весной 1914 г. в «Галие» (Уфа) были отмечены массовые заболевания шакирдов, вызванные малокровием. Общество по борьбе с чахоткой выявило ряд недостатков в санитарно-гигиеническом состоянии учебного заведения. Проверка получила резонанс в местной прессе, вопрос обсуждался в газетах «Уфимский вестник» и «Тормыш» («Жизнь») [26, с. 29]. Безусловно, в этой связи сильно выделялось казанское медресе «Мухаммадия», где имелся собственный приходящий врач. Он принимал учащихся в лазарете при медресе, его визиты оплачивало руководство учебного заведения. Но это было скорее исключительное явление.

На лето большинство учеников уезжали домой. Кто-то оставался в городе, например, для того, чтобы

учить русский язык вместе с репетитором. Но такое могли позволить только шакирды из обеспеченных семей. Многие в каникулярное время зарабатывали средства на следующий учебный год. Одним из летних шакирдских заработков являлось обучение киргизских и казахских детей. Также учащиеся подрабатывали в различных промышленных предприятиях. Некоторые работали официантами на Макарьевской ярмарке в Нижегородской губернии.

Таким образом, многовековой уклад жизни учащихся татарских медресе значительно изменился на рубеже XIX–XX вв. Благодаря помощи богатых предпринимателей строились просторные учебные здания, шакирды уже не ютились, как двести лет назад, в одной комнате по 50 чел. Появились отдельные учебные, жилые, моленные комнаты, столовые и библиотеки.

За эти блага теперь нередко надо было платить конкретную сумму, поэтому неизменными остались различные подработки шакирдов: учительство среди кочевников Средней Азии; торговля книгами, работа в сфере обслуживания и т.д. Как учащихся медресе, их продолжали приглашать в богатые дома для чтения Корана. Вместе с торгово-промышленными предприятиями, открытыми в пореформенное время, появились и новые возможности для дополнительного заработка шакирдов.

К концу XIX в. татарские юноши предпочитали обучаться не в Туркестане, как раньше, а в Египте и Турции, оттуда вместе с ними транслировались европейские веяния и в татарские медресе. Некоторые из возвратившихся из заграницы становились руководителями джадидских конфессиональных школ. В конце XIX в. в обязательном порядке открываются русские классы при медресе. Знание русского языка значительно расширило возможности межкультурной коммуникации, что также стало фактором трансформации татарского мусульманского общества. Наряду с положительными результатами, эта открытость привела к таким пагубным явлениям, как увлечение спиртным, азартными играми и т.д.

Одним из главных итогов 1905 г. для татар стало появление национальной сети периодических изданий. Под влиянием газет и журналов активизировалась творческая жизнь и внутри медресе. Шакирды печатались в татарских изданиях, создавали литературно-политические кружки, устраивали музыкальные вечера. Консолидация шакирдов привела к волнениям в медресе. В результате эти школы не стали светскими учебными заведениями, как того требовали участники шакирдского движения, но пересмотрели некоторые положения учебно-воспитательной системы. В целом вплоть до 1917 г. татарские медресе продолжали следовать своей главной цели – подготовке мусульманских священнослужителей.

Библиографический список

1. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М., 1967.
2. Гафури М. Автобиография (на тат. яз.) // М. Гафури. Избранные произведения – Казань, 2010.
3. Абушаев Х. Старое медресе, где учился Галимджан Ибрагимов (на тат. яз.) // Казан утлары. – 1987. – №2.
4. Амирханов Р. Система конфессионального образования у татар // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье. – Казань, 2001.
5. Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар // Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв. : сборник документов и материалов. – Казань, 2007.
6. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 4240.
7. Исхаки Г. Нищенка (на тат. яз.) // Г. Исхаки. Соч. : в 15 т. – Казань, 2001. – Т. 3.
8. НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 19380.
9. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 5482.
10. Любимов А. Мактабы и медресе г. Уфы и 1-го района Уфимского уезда. Отдельный оттиск из «Вестника Оренбургского учебного округа за 1914 год // Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность : хрестоматия. – Уфа, 2010.
11. Укмасый М. Воспоминания о Фатихе Амирхане (на тат. яз.) // Казан утлары. – 1996. – №1.
12. Тузбекова Л.С. Медресе «Галия» – высшее мусульманское учебное заведение Башкортостана (1906–1919 гг.) // Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность : хрестоматия. – Уфа, 2010.
13. НА РТ. – Ф. – 322. – Оп. 1. – Д. 46.
14. Фахреддин Р. Правила шакирдов (на тат. яз.) // Р. Фахреддин. Наставления детям. – Казань, 2006.
15. Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. – Казань, 2004.
16. Татар-оглу. Школьный вопрос в русском мусульманстве (1910 г.) // Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность. – Уфа, 2010.
17. Рахимов С. Медресе «Галия» (на тат. яз.) // Очаги просвещения. – Казань, 1992.
18. Фуке К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. – Казань, 1844.
19. Нуруллин И. Габдулла Тукай (на тат. яз.). – Казань, 1979.
20. Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге // Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность : хрестоматия. – Уфа, 2010.
21. Бигиев З. Большие грехи (на тат. яз.). – Казань, 1991.
22. НА РТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 675.
23. Буби Г. Краткая история медресе Иж-Боби (на тат. яз.) // Педагоги Бобинские и Иж-Бобинское медресе : историко-документальный сборник. – Казань, 1999.
24. Валиди З. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру : пер. с турец. – М., 1997.
25. Кудаш С. Незабываемые минуты // Навстречу весне : повесть; Незабываемые минуты : воспоминания; По следам юности : рассказы о прошлом (пер. с башкир. яз.). – М., 1974.
26. Камалов Т. Зия Камали. – Казань, 1997.
27. Казан мохбире (на тат. яз.). – 1906. – 8 февр. – №34.
28. Азат (на тат. яз.). – 1906. – 14 февр. – №6.
29. Казан мохбире (на тат. яз.). – 1906. – 28 февр. – №42.
30. Ибрагимов Г. Революционные движения среди татар (на тат. яз.) // Соч. : в 8 т. Т. 7: Исторические труды (1911–1927). – Казань, 1984.
31. Эль-Ислах (на тат. яз.). – 1906. – №15.
32. НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 2. – Д. 7084.
33. Юзеев А. Место джадидизма в татарской общественной мысли конца XIX – начала XX веков // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1999. – №1.
34. Урал (на тат. яз.). – 1915. – 24 февр. – №15.
35. Гафури М. В каком положении шакирды – пусть нация обратит внимание (на тат. яз.) // М. Гафури. Произведения : в 4 т. – Казань, 1983. – Т. 3.
36. Вагапов Н. Вопросы образования и воспитания в татарской периодической печати (1907–1916 гг.) (на тат. яз.). – Казань, 2010.
37. Из дневника Е. Малова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1999. – №1/2.